

Глава 13

ЛИМОННО-ВИНОГРАДНЫЙ ЧИЗКЕЙК

Ингредиенты

<i>1,5 стакана провернутых через мясорубку хрустящих крекеров из непросеянной пшеничной муки</i>	<i>2 пачки сливочного сыра (по 250 г)</i>
<i>1 стакан сахарного песка, разделить пополам</i>	<i>¼ стакана белого виноградного сока</i>
<i>1 ч. л. корицы</i>	<i>2 яйца</i>
<i>6 ст. л. несоленого сливочного масла, растопить</i>	<i>сок и цедра 1 лимона</i>

Приготовление

1. Разогреть духовку до 190 °С. Соединить крекерные крошки с 0,5 стакана сахара, корицей и размягченным маслом и перемешать до получения однородной массы. Выложить в форму для выпекания диаметром 20 см, распределить равномерно по дну и стенкам, сделав бортик.

2. Выпекать 6 минут. Вынуть из духовки и остудить.
3. Снизить температуру духовки до 150 °С.
4. Взбить сливочный сыр электрическим миксером, постепенно всыпая оставшиеся полстакана сахара, добавляя виноградный сок, лимонный сок, цедру и яйца до получения однородной массы без комков.
5. Остывший корж переложить на противень. Вылить в него сырную смесь.
6. Выпекать 40 минут или до тех пор, пока начинка не загустеет.

РОЗА

В тот день навестить Розу приходила Анни. Роза была в этом уверена. Но никак не могла взять в толк, о чем говорит ей девочка.

— Мама сейчас в Париже, — объявила Анни, ее серые глаза горели от возбуждения. — Она мне оставила сообщение! Она сказала, что, кажется, тпа, нашла кого-то!

— Как мило, дорогая, — ответила Роза. Но совсем не могла сообразить, кто же такая мать Анни. Приходится ли она Розе родственницей? Или, может, это одна из постоянных посетительниц ее кондитерской? Однако нельзя же признаться девочке, что она не помнит ее матери. Поэтому сказала она совсем другое: «Твоя мама, верно, нашла что-то симпатичное в каком-нибудь бутике? Красивый шарфик, а может, туфли, а?» В конце концов, всем известно, что Париж — прекрасное место для шопинга.

Анни заливисто рассмеялась, и этот звук напомнил Розе о птичках, что щебетали под ее окном на улице Генерала Каму, давным-давно.

— Да нет же, Мами! — воскликнула девочка. — Она ходила в музей Холокоста! Ну понимаешь, чтобы разузнать о тех людях, про которых ты нам рассказала!

— О, — пролепетала Роза, вдруг почувствовав, что ей совсем нечем дышать.

Вскоре Анни уехала, и Роза осталась наедине со своими мыслями, которые неотступно преследовали ее. Слова девочки всколыхнули настоящий смерч воспоминаний, такой мощный, что он грозил оторвать Розу от земли и унести ее назад, в прошлое, где она в последнее время оказывалась все чаще. Обычно воспоминания являлись сами по себе. Но сегодня Анни упомянула Париж и холокост, — и Роза попала в тот кошмарный день в 1949 году, когда ее милый Тед вернулся домой и подтвердил худшие ее опасения.

Она любила своего мужа. И именно потому, что она любила мужа, она рассказала ему о Жакобе, так как считала, что нужно быть честным с тем, кого любишь. И она *была* с ним честна — до известной степени. Она рассказала Теду, что в Париже остался человек, которого она очень любила. Вообще-то, можно было этого и не говорить, она понимала, что все и так понятно.

Но когда Тед спросил, любила ли она того человека в Париже сильнее, чем любит его, Роза не сумела посмотреть ему в глаза. И тогда он все понял. Он всегда знал.

Ей хотелось бы, чтобы все было по-другому. Тед был чудесным мужем. И чудесным отцом

Жозефине. Он был преданным и верным. Он создал для нее такую жизнь, о которой Роза и мечтать не могла — тогда, много лет назад, на родине.

Но он не был Жакобом. И в этом состоял его единственный недостаток.

В первые годы после войны она не хотела ни о чем узнавать. Ни официально, ни как бы то ни было еще. Когда она только вышла за Теда и они поселились в Нью-Йорке, недалеко от статуи Свободы, до Розы доходили отрывочные сведения через других иммигрантов, прибывавших из Франции. Выжившие, они так сами себя называли. Но Розе они больше напоминали призраков, живых мертвецов. Бледные, истощенные, с ввалившимися глазами, они проплывали мимо и казались нездешними, не от мира сего.

«Я знал твою маму, — говорил один такой призрак. — Я видел, как она умерла в Освенциме».

«Я видел малютку Даниэль в Дранси, — говорил другой. — Не знаю, удалось ли ей оттуда выбраться».

Весть, вдребезги разбившую ей сердце, принес призрак по имени месье Пинусевич, которого она знала по прежней жизни. Он был мясником в лавке по соседству с кондитерской ее родителей.

«Помнишь того мальчика, с которым ты встречалась? Жакоба?»

Роза молча смотрела на него. Она не хотела, чтобы он продолжал, потому что уже видела правду в его глазах. Она поняла, что не сможет этого вынести. У нее вырвался сдавленный крик, а он принял это за вопрос и снова заговорил:

«Он был в Освенциме. Я его там видел. Я видел его в тот день, когда его повели в газовую камеру».

И все кончилось. Он ушел. Призрак по имени месье Пинусевич, а с ним и последняя надежда когда-нибудь вернуть прошлое.

Покидая Нью-Йорк, она уже точно знала, что все они погибли. Ей сказали об этом призраки. Один из них был рядом с отцом, когда тот заболел в Освенциме. Другая держала за руку ее умирающую мать. Третья работала вместе с Элен, однажды Элен заболела и не смогла подняться, и, вернувшись с поля, соседки нашли ее на полу барака. Конвоиры забили ее до смерти, и ее чудесные каштановые волосы были мокры от крови. Разве хоть что-нибудь имело значение теперь, когда все они умерли. Все до одного.

И тогда Тед пообещал, что она будет жить далеко от этих призраков с ввалившимися глазами, далеко от Нью-Йорка, в волшебном месте под названием Кейп-Код. Он рассказывал, как волны набегают на песчаные пляжи и какие там клюквенные болота, — и Роза согласилась. Ведь она любила Теда. К тому же ей предстояло окончательно превратиться в другого человека. И строить новую семью, ведь та, что была у нее прежде, утрачена навсегда.

Но к 1949 году, через семь лет после того, как Роза покинула Париж, она поняла, что должна знать наверняка. Она не могла похоронить Розу Пикар, пока не удостоверится во всем по официальным документам. А вдруг кто-то из призраков ошибался? Вдруг маленькая Даниэль выжила и теперь страдает где-нибудь в сиротском приюте, думая, что на всей земле не осталось никого, кто ее любит? Что, если Элен не погибла тогда на полу барака, а бежала и теперь ждет ее, пытается разыскать? Что, если призрак, уверявший, что держал за руку мать Розы,

ошибался и та умирающая была совсем другой женщиной?

Но сама Роза не могла ехать в Париж. Она и так чудом выбралась в Соединенные Штаты по поддельным документам. И понимала, что сотрудники миграционной службы смотрели на это сквозь пальцы лишь потому, что она — жена Теда, героя войны. Роза тогда сделала свой выбор. Отныне ее дом здесь. К тому же у нее на руках маленькая дочка. Франции Роза не доверяла. Не верила, что сможет вновь оттуда выбраться. И боялась, что не вынесет возвращения в родной город.

И поэтому она попросила съездить Теда. И так как Тед любил ее и был очень хорошим человеком, он согласился.

Он отправился туда в солнечный летний понедельник. Роза ждала, секунды превращались в минуты, минуты казались часами. Время тянулось, будто ириски, которыми она, Тед и малышка Жозефина лакомились прошлым летом, когда ездили в Атлантик-Сити.

Когда наконец Тед вернулся в пятницу, очень поздно вечером, он попросил ее сесть и во влажной, душной летней ночи Кейп-Кода рассказал ей все.

Он побывал в синагоге, в которую Роза ходила с детства. Ей было больно слышать, что за годы войны синагогу разрушили, но теперь восстановили, и она как новая. Она думала, что Теду не понять: перестроенные вещи уже не те же, они не могут стать прежними. Невозможно вернуть то, что было разрушено.

— Все они умерли, Роза, — тихо сказал Тед, заглядывая ей в глаза и крепко держа ее за руки, будто

боялся, что она вот-вот оторвется от земли и взлетит в небо, как воздушный шарик, наполненный воздухом. — Твоя мать и твой отец, сестры, братья. Все, все они. Мне так жаль.

— О, — вот и все, что она сумела выговорить.

— Я поговорил с раввином, — ласково продолжал Тед. — Он объяснил мне, как работать с документами. Мне очень жаль, поверь.

Роза ничего не отвечала.

— Ты хочешь знать, что с ними случилось, Роза? — спросил он.

— Нет, — затрясла она головой и отвернулась. Она не могла этого слышать. Это разбило бы ей сердце на миллион кусков. Она умерла бы от разрыва сердца прямо здесь, перед мужем, перед дочуркой. — Это я во всем виновата, — простонала она.

— Да нет же, Роза! — воскликнул Тед. — Ты не должна так думать! В этом нет никакой твоей вины.

Он обнял ее, но она словно окаменела, напряженная, неподатливая.

Тед прижал ее голову к своей груди.

— Я знала, — прошептала Роза. — Я же знала, что за нами придут. И не попыталась спасти их.

Она понимала, что будет жить с этой виной всегда, до конца. Только не знала как. Вот потому-то она не могла больше оставаться собой. И обрела хоть какое-то утешение, став Розой Дюран, а потом и Розой Маккенна. Роза Пикар умерла в Европе вместе со своей семьей много лет назад.

— Ты тут совершенно ни при чем, — повторил Тед. — Прекрати винить себя.

Она кивнула, понимая, что именно этого он от нее ждет. Потом отстранилась от него.

— А Жакоб Леви? — спросила она ровным голосом, вдруг ослабев и подняв наконец-то глаза на Теда.

На сей раз взгляд отвел Тед.

— Дорогая моя Роза, — сказал он. — Твой друг Жакоб погиб в Освенциме. Перед самым освобождением.

Роза часто заморгала. Ей вдруг показалось, что кто-то сунул ее головой в воду и держит, не давая вынырнуть. Она ничего не видела и не могла дышать. С трудом ей удалось сделать вдох.

— Ты уверен? — спросила она после очень долгого молчания, когда легкие снова наполнились воздухом.

— Прости, — был ответ.

И все кончилось. В тот день мир для Розы стал холодным как лед. Она отвернулась от мужа. Но не заплакала. Она уже умерла, плакать могут лишь живые. А разве могла она жить без Жакоба?

Жакоб всегда говорил ей, что любовь их непременно спасет. И Роза ему верила. Но он ошибся. Она спаслась, но что толку жить, когда Жакоба нет? Разве у жизни остался теперь хоть какой-то смысл?

В это самое мгновение из-за угла появилась Жозефина в длинной розовой ночной рубашке, которую Роза вышила для нее. На руках она держала куклу Синтию.

— Что случилось, мамочка? — спросила Жозефина, стоя в дверях и сонно помаргивая.

— Ничего, милая. — Роза подошла к дочери и опустилась перед ней на колени. Она смотрела на малышку и повторяла себе, что теперь ее семья здесь, что прошлое должно остаться в прошлом, что она обязана хранить и поддерживать *эту* жизнь.

Но она ничего не чувствовала.

Она уложила Жозефину в постель и долго баюкала, напевая колыбельную, которую много лет назад пела ей собственная мать, а потом лежала в темноте рядом с Тедом, пока не поняла по его ровному дыханию, что он заснул.

Она тихо поднялась и, стараясь не шуметь, вышла в холл. Поднялась по узкой лестнице на крышу их дома, где была огороженная перильцами площадка, — и растворилась в безмолвии ночи.

Было полнолуние, и луна тяжело нависала над заливом Кейп-Код, поблескивающим между крыш. Бледный лунный свет отражался в воде, так что казалось, она светится изнутри. Но Роза не смотрела на воду. Ее взгляд был прикован к небу, к звездам, которым она дала имена. *Мама. Папа. Элен. Клод. Ален. Давид. Даниэль.*

— Простите меня, — шептала она небесам. — Простите меня.

Ответа не было. Только волны вдали плескались о берег. Небо молчало.

Глядя ввысь, Роза шепотом молила о прощении, пока с восточной стороны горизонт не начал бледнеть. *Жакоб.* Как сложилась его судьба? Неужели он потерян для нее навсегда?

— *Жакоб, где ты?* — плача, крикнула она небу.

Но никто ей не ответил.

Глава 14

С наступлением темноты в Париже становится совсем тихо и безветренно. Сначала небо набирает цвет, от бледной, подернутой сероватой дымкой голубизны к насыщенной вечерней синеве, с оранжевыми и золотыми полосками на горизонте. Когда звезды начинают пробивать дырочки в пологе сумерек, на фоне заходящего солнца становятся видны легчайшие облачка, окрашенные в разные оттенки рубиново-красного и румяно-розового. Наконец яркая сапфировая синева темнеет, наступает ночь, и Париж зажигает огни, мерцающие и бесчисленные, как звезды. Я стою с Аленом на мосту Искусств и, замирая от восторга, люблюсь Эйфелевой башней, которая переливается миллионом крохотных огоньков на фоне бархатного неба.

— Никогда не видела такой красоты, — вздыхаю я. Ален предложил мне прогуляться: ему требовалась передышка после разговоров о прошлом. Мне не терпится услышать историю о Жакобе, но я не пытаюсь его торопить — ведь Алену уже восемьдесят, а эти глубоко погребенные в сердце воспоминания слишком мучительны.